

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ А.И. ГЕРЦЕНА: К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

PHILOSOPHICAL-PEDAGOGICAL WORLD OUTLOOK DEVELOPMENT OF A.I. HERZEN: TO 200 YEARS SINCE THE DATE OF BIRTH ANNIVERSARY

Богуславский М.В.

Заведующий лабораторией истории педагогики Института теории и истории педагогики РАО, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Председатель Научного совета по истории образования и педагогической науки РАО

E-mail: hist2001@mail.ru

Аннотация. В статье дается целостная характеристика философско-педагогического мировоззрения выдающегося отечественного мыслителя и политика А.И. Герцена. Выделяются и анализируются основные этапы жизни и деятельности А.И. Герцена, характеризуются ведущие факторы (общественно-политические, социальные, личностные), оказавшие значительное влияние на формирование системы его идей и взглядов. Обстоятельно прослеживается генезис педагогического мировоззрения А.И. Герцена, характеризуются его основные этапы. На основе анализа массива источников делается вывод, что А.И. Герцен по своим философско-педагогическим взглядам являлся родоначальником отечественного экзистенциализма вообще и педагогического экзистенциализма, в частности.

Ключевые слова: история педагогики, философия образования, А.И. Герцен, экзистенциализм, общественно-педагогическое движение.

Boguslavskiy M.V.

The head of the laboratory of the history of pedagogy, The Institute of theory and history of pedagogy (Russian Academy of Education), Doctor of science (Education), Professor, Associate member of Russian Academy of Education, The head of Science Council of the history of education and pedagogy (Russian Academy of Education)

E-mail: hist2001@mail.ru

Annotation. The holistic characteristic of philosophic-pedagogical world outlook of outstanding Russian thinker and politician A.I. Gertsen is given in the article. The author distinguishes and analyses the basic periods of A.I.Gertsen's work and gives the leading factors (social and political, personal) which greatly influenced his ideas and opinions forming. Then the article deals with a thorough study of the genesis of A.I. Gertsen's pedagogical world outlook and its main stages. Having studied a great number of resources it's concluded that A.I. Gertsen, regarding his philosophical and pedagogic views, was the forefather of Russian existentialism in general and pedagogical existentialism in particular.

Keywords: the history of pedagogy, the philosophy of education, A.I. Gertsen, existentialism, social and pedagogical movement.

В истории педагогики бывают удивительные сближения ретроспектизы и современности, когда мировоззрение, идеи и взгляды какого-то педагогического мыслителя прошлого мощно актуализируются и вступают в резонанс с новой эпохой. В данной связи для современной России и отечественного образования, вновь ищущих пути дальнейшего развития в направлении духовно-нравственного оздоровления, существенное и во многом путеводное значение обретает философия образования Александра Ивановича Герцена (1812–1870), чей 200-летний юбилей широко отмечается деятелями мировой и отечественной политики, культуры и науки.

За прошедший после смерти мыслителя исторический период произошло международное признание вклада А.И. Герцена в мировую науку и культуру. Подчеркивалось, что яркий дар писателя, блестящие способности полемиста, колоссальная эрудиция, выдающийся талант мыслителя дали возможность Герцену стать одной из центральных фигур русской и мировой общественной жизни. Бесспорным считается его значительный вклад в литературу, философию, политологию и культурологию.

Однако намного менее изученными и оцененными являются идеи и взгляды А.И. Герцена в сфере воспитания и образования, его педагогическое мировоззрение в целом.

Данное обстоятельство обусловлено рядом причин. Одна из важнейших – **небольшое число работ, которые мыслитель и писатель непосредственно посвятил педагогической проблематике**. Действительно, в обширном наследии Герцена нет специальных теоретических работ о воспитании, а из художественных произведений непосредственно к этой теме обращены роман «Кто виноват?» (1841–1846) и частично роман «Былое и думы» (1852–1868) [20, с. 208].

В данной связи исследователями его педагогического наследия постоянно отмечалось, что «Герцен не был педагогом в прямом смысле этого слова. Он не писал педагогических трактатов и статей, за исключением двух обращений к молодежи по вопросам изучения естествознания [2, с. 3].

Подобное суждение правомерно, но не в полной мере, поскольку по идеологическим соображениям в научный оборот, например, не вовлекалось такое произведение А.И. Герцена, целиком посвященное проблемам воспитания, как «Письмо императрице Марии Александровне», впервые опубликованное в «Колоколе» 1 ноября 1858 года [1, Т. 10, с. 353–361]. Общепризнано, что бриллианты оригинальных суждений Герцена о воспитании щедро рассыпаны им по письмам к жене и детям. Особенно к «сыну Александру», к которому были обращены многие письма-раздумья Герцена, поднимающие важнейшие проблемы воспитания формирующейся личности.

Впрочем, при констатации небольшого числа специальных педагогических произведений А.И. Герцена всегда обращалось внимание на то, что в его «многостороннем литературном творчестве много глубоких мыслей педагогического содержания, которые настолько тесно и жизненно взаимосвязаны, что выделение педагогических высказываний может исказить общий характер его мировоззрения, блестящего стиля и оригинальной манеры письма» [2, с. 3].

Безусловно, не считать Герцена крупным и оригинальным педагогическим мыс-

литератором может только очень ограниченный исследователь, убежденный, что педагогические максимы должны излагаться исключительно в научных трудах и учебниках по педагогике и обязательно очень скучным языком. На самом деле в сокровищнице педагогической мысли как раз вошли произведения художественные или публицистические, эмоционально-образно раскрывающие сущность педагогических процессов. И здесь А.И. Герцену, безусловно, принадлежит выдающееся место. По выражению М.Ф. Шабаевой, его произведение «Кто виноват?» по праву может считаться «педагогическим романом русской литературы как «Эмиль или о воспитании» Руссо – французской, «Лингард и Гертруда» Песталоцци – швейцарской» [2, с. 10].

В течение всей жизни Герцен живо интересовался педагогическими проблемами и был одним из первых русских мыслителей и общественных деятелей, поднявших в своих трудах проблемы воспитания [20, с. 208]. Он выделял сферу образования как наиболее близкую интересам каждого думающего человека. Ведь даже у людей чуждых политики были дети, судьбой которых они были озабочены. Как писал сам Герцен « Я всегда готов говорить о воспитании и оторваться от политики не только на пять минут, но и на пять часов [цит. по 6, с. 5].

Герцен ярко проявил себя как выразитель общественной составляющей в образовании и критик государственной политики в сфере образования. Как правомерно подчеркивала историк педагогики М.Ф. Шабаева: «изменение устаревшей системы воспитания органично входило в его программу переустройства мира на новых началах» [2, с. 5].

Вот характерное для Герцена высказывание о роли образования в современной ему России: «Значение университетской молодежи в России совершенно иное, чем в других странах. В университетах, лицеях, академиях и небольшом круге литераторов укрывалась и возросла русская мысль; во все времена тридцатилетнего избиения ее там жила надежда и жили верования, там лились слезы, и сердце было человеческим негодованием [5, с. 42].

Критика Герценом образовательной политики «николаевской эпохи» последовательна, неуклонна, беспощадна и охватывала все сферы: от воспитания наследника престола – до домашней педагогики простой семьи. По выражению историка педагогики Н.Ф. Познанского, Герцен «мужественно, открыто поднял руку на отечественный «смирительный дом просвещения» и не пощадил ни одного закоулка в этом доме» [8, с. 24].

Герцен называл царствование Николая I «тридцатилетним гонением на школы и университеты» и показал, как николаевское Министерство просвещения душило народное образование. Царское правительство, по хлесткому определению Герцена, «подстерегало ребенка при первых шагах в жизни и разворачивало кадета-дитя, гимназиста-отрока, студента-юношу. Беспощадно, систематически вытравляло оно в них человеческие зародыши, отучало их, как от порока, от всех людских чувств, кроме покорности. За нарушение дисциплины оно малолетних наказывало так, как не наказывают в других странах закоренелых преступников» [3, Т. 10, с. 193].

По выражению Герцена, «знаток своего дела Николай I с 1831 г. начал воевать с детьми: он понял, что в ребяческом возрасте надо вытравлять все человеческое, чтобы сделать

верноподданных по образу и подобию своему. Воспитание, о котором он мечтал, сложилось. Простая речь, простое движение считались такой же дерзостью, преступлением, как раскрытая шея, как расстегнутый воротник. И это продолжалось тридцать лет! Отраженный в каждом инспекторе, директоре, ректоре, дядьке – стоял Николай перед мальчиком в школе, на улице, в церкви, даже до некоторой степени в родительском доме, стоял и смотрел на него оловянными глазами без любви, и душа ребенка ныла, сохла и боялась, не заметят ли глаза какой-нибудь росток свободной мысли, какое-нибудь человеческое чувство [3, Т. 10, с. 417].

В противовес такой направленности образовательной политики педагог-гуманист подчеркивал: « для того, чтобы не бояться вольного духа, не науку надо гнать, а надо сделаться просвещенным правительством. Правительство забыло, что с системой стеснения образования оно дошло до падения Севастополя, потому что правительству, стесняющему образование, кроме дураков и воров, никто служить не станет» [4, с. 212-213].

В данной связи, подчеркнем, что мыслитель *первым показал опасность авторитарного воспитания в России не только для своего времени, а вообще как российский архетип власти, выступив системным критиком тоталитаризма и авторитаризма*. Герцен всегда был вне официальной государственной политики, в том числе и в трактовке исторических событий. Он апеллировал к каждому историческому периоду развития русской истории и российской государственности. Ведь образ «Николаевской России» – это архетип российской государственно-бюрократической системы, регулярно воспроизводящейся на различных, казалось бы внешне идейно противоположных этапах развития страны.

Поэтому непримиримая критика Герценом всех видов конформизма и раболепства носила универсальный характер, и этим он был опасен всем тоталитарным и авторитарным режимам не зависимо от их классовой, политической или идеологической направленности. Вот этим-то расширительным понятием своих идей он был опасен и советской педагогике.

Другим фактором, существенно осложняющим современное обращение к педагогическим идеям А.И. Герцена, являются сохраняющиеся в историографии стереотипы оценок его мировоззрения и деятельности. В нем видели революционера-социалиста и либерала-реформатора, славянофила и западника, материалиста и идеалиста, атеиста и «религиозного искателя».

Впервые к трактовке идей и взглядов А.И. Герцена как педагога исследователи обратились в период предшествующий и последующий его столетнему юбилею. 25 марта 1912 г. вся культурная Россия отметила день столетия рождения Герцена. В многочисленных публикациях доминировала вера в то, что «с изменением существующих в России условий политической жизни произойдет духовное возвращение славного гражданина земли русской в форме полного собрания его работ и писем, а затем, и прах великого изгнанника будет возвращен в Россию и упокоен в так горячо им любимой родной земле» [7].

В это же время вышли и первые публикации В. Рахманова и К.Н. Левина, специально посвященные характеристике педагогических взглядов Герцена [9]. В этих изданиях, особенно в статье В. Рахманова, была дана развернутая характеристика педагогиче-

ских взглядов Герцена, в основном в сравнительно-сопоставительном плане со взглядами Ж.-Ж. Руссо, Р. Оуэна и Г. Спенсера, близость к которым особенно подчеркивалась. В статье К.Н. Левина давался анализ педагогического идеала личности в трактовке Герцена, который, правда, почему-то рассматривался как «своего рода предвосхищение сверчеловека Ницше» [цит. по 8, с. 26].

В советской истории педагогики на протяжении 1920–80-х годов сложились жесткие идеологические клише трактовки и оценки педагогических взглядов Герцена, которым отводилось вполне определенное, но ограниченное место. Причем, если в 20-х – первой половине 30-х годов XX века преобладал критический взгляд на педагогическое мировоззрение Герцена, рельефно выраженный в учебнике по истории русской педагогии Е.Н. Медынского [10], то с конца 30-х годов положение кардинально меняется. Теперь отмечалось, что «педагогические взгляды Герцена занимают особое место в истории русского просвещения» [11, с. 109]. Подчеркивалось, что «рассеять неверное представление о взглядах Герцена крайне необходимо, так как политическое и педагогическое наследство Герцена представляет громадную ценность для советского народа. Произведения великого революционера-педагога, написанные блестящим языком, художественные по форме, особенно нужны советской молодежи и советскому учителю» [12, с. 85].

Наибольший вклад в исследование педагогического наследия А.И. Герцена внесла Е.И. Зейлигер-Рубинштейн, автор вышедшей двумя изданиями очень уважительно, живо и поучительно написанной книги «Педагогические взгляды А.И. Герцена» [6]. Ученой принадлежит и обстоятельная глава «Педагогические взгляды А.И. Герцена и Н.П. Огарева» в «Очерках истории школы и педагогической мысли народов СССР (XVIII в. – первая половина XIX в.)» [13].

Также весомый вклад в педагогическое герценоведение принадлежит М.Ф. Шабаевой, автору главы о Герцене в классическом советском учебнике «История педагогика» для педагогических вузов, выдержанном к 1982 г. пятью изданиями, где дается довольно-таки обстоятельная характеристика педагогических взглядов Герцена [14, с. 193–198]. Назовем и Н.К. Гончарова, автора книги «Педагогические идеи А.И. Герцена. Учителю о Герцене» [15].

В этих научных трудах и учебниках окончательно закрепилась трактовка педагогических взглядов А.И. Герцена как революционно-демократических. В плане развития педагогических идей А.И. Герцену в советской истории педагогики было отведено четкое место между, с одной стороны, А. Н. Радищевым и декабристами, а с другой, – Н.И. Пироговым и К.Д. Ушинским.

При этом в учебных пособиях взгляды мыслителя всегда трактовались вместе с его современниками и младшими последователями: Белинским – Чернышевским – Писаревым – Добролюбовым, также отстаивавшими революционно-демократические позиции. Но, конечно, сильно преувеличенной характеристике историка педагогики Н.Ф. Познанского, «революционно-демократические течение по глубине теоретического обоснования, политической заостренности, по широте и гуманности педагогических задач, по яркости блестящей плеяды его представителей, по животворности практического влияния превосходит всякое другое в мировой педагогике до появления марксистко-ленинского учения

о воспитании. Революционно-демократическое направление педагогической мысли было тем основным бродилом, которое давало жизненную силу широкому общественно - педагогическому движению, развернувшемуся в России в середине прошлого века» [8, с. 23].

В советской педагогике Герцен ценился, прежде всего, в качестве страстного и убедительного критика, как «самодержавно-крепостнического, консервативной идеологии помещичье-буржуазного либерализма», так и современного ему капиталистического общества. Подчеркивалось, что педагогические взгляды Герцена определялись его философскими (атеизм и материализм), этическими (гуманизм) и политическими (революционный демократизм) убеждениями [20, с. 208]. По выражению М.Ф. Шабаевой, «материалист и атеист Герцен настаивал на воспитании у детей атеистического мировоззрения [2, с. 117].

Высоко оценивалась и его критика «идеалистических концепций в педагогике». Как утверждала Е.И. Зейлигер-Рубинштейн, «Герценставил перед воспитанием следующие задачи: воспитание людей идейных и принципиальных, готовых к деятельности, к жизни, воспринявшим революционные традиции и преданных им, готовых к самоотверженной революционной борьбе за благо родного народа и к труду на его пользу» [6, с. 32].

Данные оценки сформировали те трактовки мировоззрения А.И. Герцена, которые и в наши дни наполняют различные рефераты, курсовые и дипломные работы, посвященные педагогическим взглядам Герцена. Их авторы с известной адаптацией воспроизводят содержание главы о Герцене из советского учебника «История педагогики» издания 1982 г. [14].

Это совершенно не случайно. И обусловливается тем, что в постсоветской России Герцен как педагог в плане научно-исследовательской деятельности по изучению его идей и взглядов был совершенно забыт. К сожалению, за последние четверть века педагогические идеи А.И. Герцена не находили своего адекватного изучения в отечественной историко-педагогической науке. За это время появилась лишь одна небольшая публикация, касающаяся педагогических взглядов Герцена [16].

Очень скромное место, намного меньшее, чем в советских пособиях, занимает трактовка педагогических взглядов Герцена в современных учебниках по истории педагогики и образования для высших учебных заведений. Так, в учебном пособии «История педагогики и образования» под ред. А.И. Пискунова (2001), А.И. Герцен только упомянут [17, с. 351].

В учебнике А.Н. Джуринского «История педагогики и образования» (2010) дается предельно краткая (в два абзаца) трактовка педагогических взглядов Герцена [18, с. 264–265].

В учебном пособии В.А. Попова «История педагогики и образования» (2010) содержится более развернутая характеристика педагогических взглядов Герцена, однако методологически она восходит к трактовке М.Ф. Шабаевой, сделанной в советском учебнике «История педагогики», но без излишней политизации [19, с. 106–109].

Таким образом, можно констатировать, что *на протяжении 90-х годов XX в. – первого десятилетия XXI в. произошло своего рода забвение педагогического наследия А.И. Герцена в современной историко-педагогической науке. Даже там, где рассматриваются его идеи, взгляды по вопросам воспитания, их трактовка существенно не выходит за методологические оценки, сделанные в советской истории педагогики.*

Это существенно отличается от российских и зарубежных исследователей философских и политологических воззрений Герцена, где как раз последние двадцать лет наблюдается нарастающий интерес к изучению взглядов мыслителя, множится число исследований, публикуются основательные и оригинальные труды, существенно по-новому переосмысливающие наследие А.И. Герцена.

Целенаправленный анализ трудов и писем А.И. Герцена свидетельствует о наличии у него системы идей и взглядов о воспитании и образовании, которую он пытался реализовать и на практике – в отношениях с собственными детьми [20, с. 208]. Мыслителем была *сформирована целостная педагогическая концепция и выдвинута программа воспитания*, на всех галсах расходящаяся как с государственной образовательной политикой 30-х – первой половины 50-х годов XIX века, так и существенно отличная от западноевропейской педагогической и социально-педагогической мысли того времени – Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Р. Оуэна и Г. Спенсера, а, особенно, от современной ему практики обучения и воспитания в западноевропейских образовательных учреждениях [2, с. 22].

Все это обуславливает необходимость вдумчивого переосмысливания творческого наследия А.И. Герцена, существенной переоценки его педагогического мировоззрения, оказавшего сильное влияние на развитие прогрессивной педагогической мысли в России. Сейчас мы можем не только, что вполне естественно, выйти за рамки прежних классово-политических стереотипов, но, главное, посмотреть на мировоззрение Герцена с точки зрения современной педагогической проблематики, значительно актуализировав его взгляды на образование, которым всегда была присуща футурологичность.

Александр Иванович Герцен родился 25.3(6.4) 1812 г. в Москве в семье богатого помещика Ивана Алексеевича Яковлева (1767–1846), происходившего из знатного аристократического рода, ведущего свои корни от Андрея Кобылы (как и Романовы). Мать – 16-летняя немка Генриетта-Вильгельмина-Луиза Гааг, дочь мелкого чиновника, делопроизводителя в казённой палате в Штутгарте, которую И.А. Яковлев, возвращаясь после многолетнего путешествия по Европе, взял с собою в Москву (Гааг уже была беременна). Брак родителей не был оформлен, и Герцен носил фамилию, придуманную отцом: Герцен – «сын сердца» (от нем. Herz) [7].

Канва жизни А. И. Герцена хорошо известна, она очень ярко и вместе с тем глубоко отрефлексирована им в воспоминаниях «Былое и думы», которые являются основным источником при характеристике жизненного пути Герцена.

На процесс **первоначального формирования взглядов на окружающую действительность Герцена – мальчика, Герцена – подростка (1812–1829)** оказала влияние совокупность общественно-политических, социальных, культурологических, образовательных и, конечно, семейных, личных обстоятельств. Эти факторы очень сильно сказались позднее как в целом на его социально-философском и общественно-политическом мировоззрении, так и на собственно педагогической концепции.

1. Среди *внешних социально-политические факторов* выделяются два наиболее значимых для формирования мировоззрения юного Александра. Прежде всего это – *обстановка вызванного Отечественной войной 1812 г. могучего подъема патриотического самосознания русского народа*. «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были мою колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей», – вспоминал впоследствии Герцен [7].

Решающее влияние на формирование мировоззрения Герцена оказало восстание декабристов. События 14 декабря 1825 г. определили направление мыслей и стремлений, симпатий и антипатий Герцена, который почувствовал, что «я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон души моей» [7].

Как известно, в 1826 г. Александр Герцен и его друг и дальний родственник Николай Огарев (1813–1877) на Воробьевых горах, «обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу» [4, с. 274]. Как писал позднее Герцен в «Полярной звезде» в 1855 г., «мальчиком 14 лет я клялся отомстить казненных и обрекал себя на борьбу с этим троном, с этим алтарем, с этими пушками. Я не отомстил; гвардия и трон, алтарь и пушки – все осталось; но через тридцать лет я стою под тем же знаменем, которого не покидал ни разу» [7].

2. Наряду с этими важнейшими внешними факторами на развитие мировоззрения юного Александра большое воздействие оказала *атмосфера семейного воспитания*. По выражению А.И. Герцена, он рано почувствовал «ложность» и определенную двойственность своего положения. С детства он мог вращаться среди людей, принадлежащих к верхушке московского общества, но чувствовал себя свободным от обязательств перед «родным сословием», и эта свобода ему очень нравилась [16, с. 21].

По происхождению, как незаконнорожденный, он рано осознал свое отчуждение от аристократического дворянства, как бы выпал волею рождения из устойчивых социальных страт и двигался по жизни предоставленный во многом сам себе, самостоятельно формируя свое мировоззрение. На этой почве стали развиваться как осознание юным Герценом своей инакости, так и экзистенциальное одиночество. Его отец был мизантропом, а мать – погружена в мир своих личных переживаний.

Данные обстоятельства, что всегда отмечалось исследователями, привели к тому, что отчужденный от родителей и очень одинокий в подростковые годы Александр много времени проводил в «передней» вместе с крепостными. Характерны его слова: «передняя с ранних лет развила во мне непреодолимую ненависть ко всякому рабству, ко всякому произволу» [2, с. 7]. Из этого биографами Герцена выводился народный характер его мировоззрения, в том числе и педагогического.

3. Среди комплекса *культурно-образовательных факторов* выделим три наиболее значимых. В юности Герцен получил обычное дворянское домашнее воспитание, основанное на изучении иностранных языков и чтении произведений иностранной литературы, преимущественно, конца XVIII века. У матери он учился немецкому языку, в разговорах с отцом французскому. Эти знания развивались в общении и на занятиях

с гувернерами французами и немцами, что открыло позднее Герцену, благодаря твердому знанию иностранных языков, возможность включиться в общеевропейское интеллектуальное сообщество.

Что же касается значения знания языков для юного Герцена, то, несомненно, его мировоззрение формировалось во многом на основе *самообразования*. У И. А. Яковлева была богатая библиотека, состоявшая почти исключительно из сочинений французских и немецких писателей XVIII в., и в ней Александр чувствовал себя вполне свободно. В юношеские годы Герцен воспитывался на передовых идеях русской и западноевропейской литературы. Французские романы, комедии Бомарше, Коцебу, произведения Гёте, Шиллера с ранних лет настроили мальчика в восторженном, сентиментально - романтическом тоне. Благодаря чтению Шиллера, юный Александр проникся свободолюбивыми стремлениями [7].

Он увлекался произведениями французских просветителей XVIII в. – Вольтера, Руссо, Дидро, усвоив свободолюбивые идеи Запада. Такое чтение возбудило в душе мальчика, чья необыкновенно богато одаренная натура стала развертываться очень рано, множество требовавших разрешения вопросов [21, с. 99].

Наряду с этими факторами на формирование юного Герцена очень серьезное влияние оказывало *традиционное обучение*, благодаря воздействию тех наставников, которые с ним занимались. Здесь можно выделить целенаправленное воздействие трех, личностно достаточно различных людей. Огромную роль в воспитании Александра - подростка сыграл учитель русской словесности, студент Медико-хирургической академии И.Е. Протопопов, по выражению Герцена, полный «благородного и неопределенного либерализма» [4, с. 262]. Он сумел развить субъективные силы ученика, направив их в русло самостоятельного поиска знаний [21, с. 99]. Е.И. Зейлигер – Рубинштейн отмечала в методах учителя Протопопова творческий подход к делу образования, столь позднее ценимый Герценом [6, с. 229].

Однако роль Протопопова не сводилась только к тому, что он способствовал развитию познавательной активности юного Герцена, пробудил в нем жажду самообразования. Он *привил ему любовь к русской литературе*, книге и чтению, научил размышлять над прочитанным.

Литературовед Я.С. Эльсберг правомерно указывал, что сознание Герцена формировалось под воздействием идейных влияний, очень схожих с теми, которые испытали на себе декабристы [22, с. 17]. Мальчик идеино рос и воспитывался на произведениях, в которых ярко проявились свободолюбивые тенденции. Протопопов приносил Герцену тетрадки стихов Пушкина: «Оды на свободу», «Кинжал», «Думы» Рылеева. Большую роль в складывании мировоззрения Герцена играли идеи А.И. Радищева [7].

Другим наставником юности стал преподаватель французского языка Бушо, бывший якобинец, участник Французской революции, внушавший Герцену ненависть к самодержавию [4, с. 262].

К этому присоединилось влияние Тани Кучиной, молоденькой кузины Герцена (в замужестве Татьяна Пассек), которая *поддерживала детское самолюбие* молодого роман-

тика, пророча ему необыкновенную будущность, уверяла Герцена, что он «рожден был Роландом Роландини или Алкивиадом» [2, с. 42].

Следующим **важнейшим периодом формирования мировоззрения А.И. Герцена стали годы его обучения в университете (1830–1833)**. Преодолев препятствия со стороны отца, желавшего устроить для сына военную или дипломатическую карьеру, восемнадцати лет Герцен поступает в Московский университет на физико-математическое отделение, поскольку у него «развилась сильная страсть к естественным наукам» [4, с. 286]. Это было время первоначального формирования философских взглядов Герцена, вбиравшего в себя этический идеализм Шеллинга, философский подход к пониманию природы и человека, а также основные черты секулярной мысли. Такие взгляды во многом складываются у юного Александра под влиянием известного шеллингианца, профессора Московского университета М.Г. Павлова.

На протяжении всего обучения Герцен очень много читает, увлекаясь по преимуществу вопросами общественными, занимаясь изучением русской истории, усвоением идей Сен-Симона и других социалистов. Молодой Александр с головой погружается в общественную студенческую жизнь. В эпоху студенчества он свел знакомство с рядом талантливых студентов; у него образовался кружок, параллельный кружку Станкевича, но отличавшийся от него социально-политическими интересами. «Жизнь в университете, – вспоминал он, – оставила у нас память одного продолжительного пира идей, пира науки и мечтания, иногда бурного, иногда мрачного, разгульного, но никогда порочного» [7].

Происходит и развитие религиозного чувства Александра. В литературе советского периода всегда подчеркивалось, что Герцен был убежденным атеистом. Это, разумеется, не так. Александр рос религиозным ребенком; он сам свидетельствует об этом в своих воспоминаниях. «В первой молодости, – пишет он, – я часто увлекался вольтерианизмом, любил насмешку и ironию, но не помню, чтобы когда-нибудь я взял в руки Евангелие с холодным чувством». Церковная жизнь проходила, однако, мимо юного Герцена, не затрагивая, его души, но религиозный строй его души не погас, а позже, под влиянием его невесты, Н.А. Захариной, расцвел очень ярко [7].

Летом 1833 г. А. И. Герцен завершил четырехлетний курс обучения в Московском университете. Решением Совета Университета Герцен на основании Положения о производстве в ученыe степени и «за отличные успехи и поведение» 30 июня 1833 г. он был утвержден кандидатом Отделения физико-математических наук. Ему также была присуждена серебряная медаль за диссертацию «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника». Он не был удостоен золотой медали только по причине того, что в сочинении было «слишком много философии» [7].

Герцен всегда с особой теплотой вспоминал Московский университет: «Я так много обязан университету и так долго после курса жил его жизнью, с ним, что не могу вспоминать о нем без любви и уважения... По отношению к университету легка благодарность: она нераздельна с любовью, со светлым воспоминанием молодого развития» [4, с. 308].

Герцен – выпускник университета – человек страстно ищущий, а не на чем-нибудь окончательно остановившийся, хотя направление его помыслов и симпатий было вполне

определенное и выражалось в стремлении к свободе. По выходе из университета, Александр продолжал научные занятия – перед молодым выпускником открывался путь к успешной научной карьере. Однако развитие событий сложилось иначе. В 1834 г. он был арестован по совершенно надуманному обвинению за участие в «тайном обществе» и заключен в тюрьму (по выражению Герцена, его посадили «прямо из детской»).

В тюрьме Герцен пробыл девять месяцев, после чего, по его словам, «нам прочли, как дурную шутку, приговор к смерти, а затем объявили, что, движимый столь характерной для него, непозволительной добротой, император повелел применить к нам лишь меру исправительную, в форме ссылки», продлившуюся в общей сложности до 1842 г. [7].

Размыслия над последующей судьбой А.И. Герцена, поражаешься тому тупому упорству, с каким царское правительство последовательно выковывало из свободолюбивого, но вполне законопослушного молодого человека своего убежденного и непримириимого противника.

Ссылка в Пермь, а оттуда в Вятку открыла третий период жизни и деятельности А.И. Герцена, продолжавшийся с 1835 по 1847 гг. «Что мне Пермь или Москва, и Москва-Пермь, – писал тогда Герцен. – Наша жизнь решена, жребий брошен, буря увлекла. Куда? Не знаю. Но знаю, что там будет хорошо, там отдых и награда» [7].

Находясь в ссылке в Вятке, Герцен служил в канцелярии губернатора. Он много ездил по губернии для собирания материалов для газеты, знакомился с народным бытом, поместил в «Губернских Ведомостях» целый ряд статей экономического и этнографического содержания. При деятельном его участии в Вятке была основана первая публичная библиотека. За устройство выставки местных произведений и объяснения, данные при её осмотре наследнику (будущему императору Александру II), Герцен, по ходатайству В.В. Жуковского, был переведён на службу советником правления во Владимир. Здесь он женился на Н.А. Захарьиной, у молодых родился первенец Александр. Это были самые счастливые и светлые годы жизни Герцена. На владимирский период приходится и начало изучения им Гегеля. Благодаря знанию немецкого языка, а, главное, хорошей философской подготовке, Герцен глубоко усвоил основные принципы философии немецкого мыслителя.

Это позволило ему, после того как в 1840 г. ему было разрешено вернуться в Москву, сразу занять заметное положение среди тогдашних молодых гегельянцев из кружка Станкевича и Белинского [7].

Из Москвы Герцен переехал в Петербург, но пребывание в столице оказалось недолгим. Опять-таки по смехотворному обвинению он был выслан в Новгород на службу советником губернского правления. Здесь Александр Иванович изучает труд Фейербаха «Сущность христианства», которой произвел на него сильное впечатление. В Новгороде Герцен стал писать и свое самое педагогическое произведение роман «Кто виноват?». В 1842 г., благодаря хлопотам друзей Герцену удалось выйти в отставку и переехать в Москву. Там и прожил он с 1842 по 1847 г. – последний этап своей жизни в России [7].

Вскоре после смерти своего отца, Герцен, благодаря родственным связям, в 1847 г. уезжает с семьей за границу навсегда. Этот период с конца 1847 по 1870 г. рассматривается

ется как четвертый – завершающий период формирования мировоззрения Герцена, включающий в себя ряд внутренних этапов.

Герцен был подлинным «гражданином Европы»: за почти четверть века эмиграции он жил и работал во Франции, в Италии, в Англии, в Швейцарии. За этот, насыщенный многими общеевропейскими политическими событиями период, мировоззрение Герцена претерпело существенное изменение, прежде всего в окончательном отказе от романтического идеализма. Приоритетным теперь становится социальный аспект, и его мировоззрение можно характеризовать как социально-политический радикализм. Хотя всю жизнь Герцен занимался политикой, но политика имела для него инструментальное значение. Это положение в полной мере может быть распространено и на сферу образования. В эмиграции Герцен существенно отошел от религиозного мировоззрения в сторону натурализма. Однако, некоторые элементы христианской веры, особенно серьезное отношение к Евангелию, сохранились у Герцена на всю жизнь; решающие основы его позднейшего мировоззрения до конца определялись христианскими идеями [7].

В период с 1855 по начало 60-х гг. XIX в. Герцен занимает ведущее место в российской политической жизни. В 1855 г. он переезжает в Лондон, где основывает Вольную русскую типографию для печатания запрещённых изданий. Сначала он издавал журнал «Полярная Звезда», а с 1 июля 1857 г. еженедельную газету «Колокол». Влияние Герцена в это время было громадно. Пик влияния «Колокола» приходится на годы, предшествующие освобождению крестьян; тогда газета регулярно читалась в Зимнем дворце [7].

В целом жизнь Герцена в эмиграции была тяжелой и оказалась насыщена многими печальными событиями. Особенно трагичным для Герцена в личном плане оказалось начало 50-х годов. В ноябре 1851 года в пароходной катастрофе гибнут его мать и сын Николай. 2 мая 1852 году скончалась, не пережившая этого, его жена. Потрясенный Герцен напишет: «у меня остались на свете только мои дети и мой труд» [2, с. 13]. В данной связи подчеркнем, что в конце 50-х – 60-е годы именно **проблематика семейного воспитания становится ведущей в педагогическом творчестве Герцена**.

Тяжелыми для Герцена оказались 1860-е годы. После крестьянской реформы влияние «Колокола» начало падать. Особенно негативно сказалась поддержка Герценом польского восстания. «Колокол» продолжал выходить до 1867 г. включительно, но он уже не имел прежнего значения. Последний период жизни Герцена был для него временем оторванности от России и одиночества. «Отцы» отшатнулись от него за «радикализм», а «дети» – за «умеренность».

15 марта 1865 г. под настойчивым требованием русского правительства к правительству Её величества редакция «Колокола» во главе с Герценом покидает Англию на всегда и переезжает в Швейцарию, гражданином которой Герцен к тому времени является. В апреле этого же 1865 года туда переводится и «Вольная русская типография». Вскоре начинают переезжать в Швейцарию и люди из окружения Герцена, например, в 1865 году туда переезжает Николай Огарёв. Душевное состояние Герцена было, конечно, очень тяжелым, но он верил, что истина восторжествует, верил в мощные духовные силы русского народа и твердо переносил свое положение [7].

9 (21) января 1870 г. Александр Иванович Герцен умер от воспаления лёгких в Париже, куда незадолго перед тем прибыл по своим семейным делам. Нельзя без волнения читать его последние строки: «Сегодня я расклешился: болит бок и грудь. Шарко велел сегодня полежать. Он славный доктор» [4, с. 416].

Похоронили А.И. Герцена сначала на кладбище Пер-Лашез, а потом прах его был перевезен в Ниццу, где покойится до настоящего времени. Над могилой высится прекрасный памятник работы Забелло, изображающий Герцена стоящим во весь рост, с лицом, обращенным по направлению к России...

В развитии педагогического мировоззрения Герцена можно выделить несколько периодов:

1. *Первая половина 1840-х гг.*, когда в центре его внимания находились преимущественно вопросы естественно-научного образования.

2. *Вторая половина 40-х – первая половина 50-х гг.*, когда ведущая направленность его педагогических размышлений была обусловлена проблематикой гражданского воспитания личности.

3. *Во второй половине 1850-х – первой половине 60-х гг.* мыслителем была создана концепция национального воспитания.

3. *Во второй половине 1860-х гг.* приоритетной для Герцена сферой оказываются ценности семейной педагогики, прежде всего, в плане *национального и духовно-нравственного воспитания детей*.

1. 1840-е гг. можно обозначить как первый период развития и осуществления педагогических взглядов Герцена, которые складывались под влиянием идеологии европейского Просвещения, немецкой классической философии и отечественной вольнолюбивой мысли. В этот период Герцен придавал первостепенное значение развитию науки, техники, был сторонником идеи концентрации в руках ученых, инженеров всех рычагов управления обществом и стремился осуществлять образование молодежи именно в этом русле [7].

С данной целью с 1842 по 1847 год он публикует в «Отечественных записках» и «Современнике» цикл статей, непосредственно посвященных естественно-научному образованию. В первую очередь это «Письма об изучении природы» (где дан философский анализ различных методов познания и характеристика содержания образования), «Публичные чтения господина профессора Рулье», а также «Дилетантизм в науке», «Дилетанты-романтики», «Дилетанты и цех ученых» и «Буддизм в науке». В этих статьях Герцен обосновывал свой центральный тезис: специалист должен обладать одновременно и широтой, и глубиной профессиональных знаний и культурно-образовательных интересов. Он предъявлял к специалисту в той или иной области требование откликаться на все запросы живой жизни, другими словами, – быть гражданином. Герцен резко восставал против «ремесленничества науки», призывал к «общему очеловечению» [11, с. 114].

В этих статьях Герценом впервые была раскрыта тонкая диалектика соотношения общего и профессионального образования. Широта русского образования, по его убежде-

нию, исключительно позитивная категория. Непрофессионализм (дилетантизм) образованного человека, будучи преимущественно русским явлением, понимался мыслителем как признак внутренней свободы и служил показателем перспективности исторической жизни народа [20, с. 208]. В этом преимущественно политическом (и только потом этическом) плане русская широта противопоставлялась им западной специализации – как явлению преимущественно отрицательному [16, с. 29]. Вместе с тем, он настаивал, чтобы «дилетанты» основательно изучили хоть один научный вопрос.

В плане реализации своих замыслов Герцен страстно выступал за просвещение народа как базис развития страны, добивался распространения просвещения и знаний среди народа, призывал ученых вывести науку из стен кабинетов, сделать ее достижения всеобщим достоянием. Поэтому Герцен в полной мере может быть отнесен к выдающимся русским просветителям. Данное определение расширяет оценку его творчества, ранее ограниченную преимущественно социально-политическими взглядами.

Герцен, подчеркивая огромное воспитательное и образовательное значение естественных наук, последовательно выступал за **систему всестороннего общего гуманитарного образования**, обращенного к науке [20, с. 208]. Осознать важнейшие цели выбранной деятельности, их связь с общими задачами своего времени молодым людям должен помочь, прежде всего, «мир человеческий, мир истории», т.е. приобретение разносторонних гуманитарных знаний. Гуманитарное образование, как подчеркивал мыслитель, призвано не уводить молодёжь от реальной жизни, а, напротив, усиливать интерес к актуальным проблемам действительности. Герцен выступал за объединение классического и реального образования, где классическое образование – «эстетическая школа нравственности» («Записки одного молодого человека», 1840-41 гг.) [20, с. 208-209].

Позднее в «Письме к сыну» (29 сентября 1858 г.) Герцен дал развернутую картину своих представлений. Он хотел, чтобы учащиеся общеобразовательной школы, наряду с естествознанием и математикой знали литературу, иностранные языки, историю. Особое внимание уделялось изучению отечественной истории и словесности (в том числе и литературы античных народов). Мыслитель был убежден, что без философии «легко можно впасть в ремесленничество науки и за множеством фактов потерять общность дела» [4, с. 202].

А.И. Герцен постоянно отмечал, что «без чтения нет и не может быть ни вкуса, ни стиля, ни многогранной шири понимания», «талант талантом, а вкус образуется в чтении». В «Письме к сыну» (29 сентября 1858 г.) он подчеркивал: «не забывай, что самое колossalное оружие многогранного образования – чтение» [4, с. 202]. В данной связи первостепенное значение в обучении и воспитании им придавалось умению работать с книгой, без чего, по его убеждению, невозможно развитие и самообразование.

В качестве условия овладения таким фундаментальным содержанием образования Герцен всемерно подчеркивал, что образование, говоря современным языком, должно строиться на субъектно-субъектной основе и деятельностном подходе, способствовать развитию у учащихся *самостоятельного мышления, познавательной активности*. Основным дидактическим методом он считал проблемное обучение, формирование на этой основе у учащегося критического мышления. Большое значение для умственного разви-

тия детей им придавалось живой беседе учителя, приемам, стимулирующим осознание учениками сообщенных знаний [2, с. 29].

Во втором периоде формирования педагогического мировоззрения во второй половине 40-х – первой половине 50-х гг. XIX века Герцен обращается к центральной для него проблеме гражданского воспитания. По его убеждению, «воспитание – одна из наиболее сложных задач и не может быть разрешаема общими фразами» [4, с. 181].

Именно в это время Герцен создает свои, насыщенные педагогическими проблемами и духовно-нравственными исканиями произведения – роман «Кто виноват?» и рассказ «Сорока-воровка», где он поставил самые острые вопросы тогдашней социально-педагогической реальности. В них впервые зазвучала позднее центральная для Герцена педагогическая реминисценция – идеалы гражданского воспитания.

Эта проблема рассматривалась мыслителем в ракурсе воспитания личности, несущей в себе стойкий нравственный стержень и не отступающей от своих идеалов под давлением обстоятельств. И, наоборот, сожаление о горькой судьбе тех, кто не имеет такого внутреннего стержня, а потому легко ломается под давлением первых препятствий со стороны внешних сил.

В лице Герцена русское общество выступило «с критикой индивидуалистической концепции воспитания, стремления педагогики и педагогов удалять детей от общества для спасения их от якобы разлагающего влияния» [2, с. 23]. Бельтов, герой «Кто виноват?», показал всю несостоятельность абстрактного воспитания, оторванного от условий той жизни, в которой позже должен был действовать воспитанник.

В этом произведении Герцен рельефно раскрыл глубинный трагизм возможностей утраты человеком смысла собственного существования (или же осознания человеком факта его отсутствия). В романе показано, какую тяжкую роль сыграло в судьбе его героя то, что он был воспитан честным и восторженным, но не понимавшим реальной жизни учителем [20, с. 209]. Человек широко и разносторонне образованный, с умом пытливым и созерцательным, страстно ищущим истины он оказался «неспособным бороться за свои идеалы, проявлять силу, закаленность, моральную стойкость» [2, с. 23].

Главной задачей воспитания Герцен считал формирование гуманной, свободной личности – гражданина, патриота Родины, который живет интересами своего народа и стремится к преобразованию общества на разумных началах [8, с. 29]. Гуманизм проявлялся во внимании и деятельной любви к человеку. Символично, что В.Г. Белинский назвал Герцена «поэтом гуманности» во всех смыслах этого прекрасного слова!

По выражению Н.Ф. Познанского, «из герценовского понимания личности развертывалась целая педагогическая программа, подобно тому, как из увертюры развертывается опера» [8, с. 26].

Мыслителем была разработана оригинальная типология личностей:

- *плоская натура*, при первом жизненном толчке отказывающаяся от прежней святыни своей души и идущая по обычному пути корысти и стяжательства;
- *благородная натура*, но не реальная, на всю жизнь оставшаяся с юношескими мечтаниями, идущая наперекор событиям, всю жизнь тянувшая одну ноту;

- действительная натура, которая отправляется в жизнь не с юношескими сентенциями, а с юношеской энергией, способной «раскрыть свою душу всему человеческому, страдать и наслаждаться страданиями и наслаждениями современности» [8, с. 26, 29].

Такая свободная, прежде всего, демократическая личность, не замыкается в свои эгоистические интересы, а живет общими интересами. Вся жизнь свободной личности освещается высоким идеалом, дающим своеобразный тон судьбе человека. Постоянная активность, а не созерцательность – характерная черта свободной развитой личности. Свободная личность не поддается среде, а преобразует ее, создает вокруг себя... Это «непокорная личность» [1, Т. 8, с. 149; 8, с. 26].

Как видно Герцен еще до знаменитых «Вопросов жизни» Н.И. Пирогова (1856 г.) предвосхитил педагогический идеал «атлета жизненной борьбы», которого необходимо было готовить в гимназии из юношества, чтобы молодые люди, выйдя в жизнь и поступив на службу, не сломались при первых ударах судьбы по их идеалам. Воспитание, по Герцену, – сознательный, целенаправленный процесс формирования человека, способного к «сознательному деянию», одухотворённому труду и служению обществу, осуществляемый под руководством педагога [20, с. 209].

Характерно, что еще при рождении старшего сына Александра Герцен написал: «иди в жизнь, иди на службу человечеству; я тебя обрек на трудный путь» [2, с. 10]. Позднее в «Письме к сыну» от 14 июня 1862 г. Герцен подчеркивал: если ты серьезно вызовешь силу воли, если ты имеешь то, что называется характер, упорство, ты начинаешь совершеннолетнюю жизнь ...человеком, твердо идущим, на твердых нравственных основах, гласным, а не согласным» [4, с. 384]. В другом «Письме к сыну» он подчеркивал, что «надобно быть готовым на всякую борьбу. Не придет она, – можно другое сделать. Но если придет, что бы то ни было, стой за свою истину, за то, что ты любишь, а там, что бы ни было вышло» [4, с. 157].

В данной связи цель воспитания, по Герцену, заключалась в развитии сильной индивидуальности, в раскрытии всей полноты человеческой личности и в формировании у нее общественных взглядов [23, с. 95]. В силу экзистенциальной направленности взглядов, Герцен определял личность как живую силу, творящую культуру, и выделял ее основные характеристики: самопознание, мышление, волю, свободу и достоинство. А основой воспитания выступало приобщение к истинному знанию и развитию в человеке свободы, самодеятельности и достоинства [23, с. 96].

Необходимой основой личности для Герцена являлось утверждение нравственной свободы, реализуемой в творчестве и являющейся защитой от мещанского образа жизни как выражения духовного оскудения человека и упадка культуры. Решая задачу соотношения нравственной свободы личности и общественной необходимости, Герцен приходит к выводу, что разумное, сознательное сочетание личности и государства приведет к истинному понятию о личности и ее важной роли в социокультурном процессе. Особое значение имеет то, что Герцен с поразительной силой поставил проблему культуры внутри самого человека. Он предлагал внутренний путь,

в котором человек сам строит свою нравственность и осуществляет свободу с обязательной реализацией в практической жизни.

О предоставлении детям максимальной свободы Герцен писал неоднократно, горячо призывая к максимальной свободе мысли в восприятии, жизни, во всем росте и развитии человека: «дайте же хоть одному поколению, пресловутые просветители, воспитаться человеком, глядя всему в глаза, безбоязненно говоря свою мысль» [3, Т. 10, с. 194]. По его убеждению, «насильно образовывать – это одна из гибельнейших идей, в силу которой бездушной дрессировке и фельдфебельской выправке дается вид благодеяния» [3, Т. 10, с. 5].

Итак, Герцен решительно выступал против всей направленности официальной образовательной политики николаевской России, направленной на воспитание конформиста, верного слуги режима, на человека сервильно адаптирующегося к социально-политическим обстоятельствам. Но он не приемлем и курс на исход личности от социальных обстоятельств, замыкание в своем семейном или идеалистическом мирке. Для свободной личности, по Герцену, оставался один путь – борьба с неблагоприятными социальными обстоятельствами. Это в своем ракурсе отмечалось и М.Ф. Шабаевой: «умение Герцена пронизать принципиальностью все отношения к людям и делам, а также оттенить и показать детям принципиальный подход к обыденным вещам заслуживает самого пристального внимания советской педагогики» [2, с. 27].

Однако такой подход Герцена был, конечно, намного глубже. Его нонкомформистская позиция всегда была оппозиционна любой официальной власти, каждой государственной политике. Прекрасно понимая мощную социальную значимость просвещения и образования, Герцен, пока не поднялось общественно-педагогическое движение, в одиночку выражал его идеиный потенциал и формулировал программу.

Он был глубоко убежден в наличии двух мало пересекающихся между собой линий в образовательной политике – государственной, объективно делающей из человека удобного и нужного конформиста и общественной, ставящей целью воспитание человека, который выражает интересы развития страны, поскольку любовь к Родине это не любовь к начальству. Эти линии всегда носили даже разновременный характер – государственная была направлена на решение тактических целей и обслуживание конкретных политических задач и поэтому была близка и понятна населению, не живущему в «зоне ближайшего развития». А общественная линия – устремлена в будущее, образ которого объективно не до конца ясен. В своих произведениях Герцен явно обращался к человеку будущего: из 40-х – 50-х гг. XIX века он готовил будущих «шестидесятников».

В третьем периоде формирования педагогического мировоззрения А.И. Герцена – во второй половине 1850-х – первой половине 60-х гг. мыслителем, что ранее не подчеркивалось исследователями педагогических взглядов Герцена, была создана концепция национального воспитания, которая имеет фундаментальный и прогностический характер.

В развитии педагогических взглядов мыслитель шел своим, оригинальным путем, бережно сохраняя лучшее из русских воспитательных традиций, используя то ценное, что находил в европейской педагогике, одновременно подвергая глубокой критике ее слабые стороны [8, с. 27].

В данной связи симптоматично, что Герцен отмечал в качестве важного преимущества отечественной педагогики ярко выраженную восприимчивость к культурам других народов, не исключающую самобытности русского национального характера. По выражению Герцена, нет воспитания более полиглотного, чем наше» [цит. по 8, с. 24].

Исследователями, характеризующими философские и общественно-политические взгляды Герцена периода эмиграции, всегда особо отмечалось **абсолютное неприятие им буржуазного общества**. Его тонкий и проницательный ум быстро постиг несовершенства и недостатки тех форм западной жизни, к которым первоначально влекло Герцена из «непрекрасного далека» русской действительности 1840-х годов. Он последовательно и страстно обличал духовную атмосферу западной цивилизации, особенно конформизма мещанства, во многом предвосхитив критику современного «общества потребления» («С того берега»).

Герцен совершенно не идеализировал и современную ему западную педагогику. Он прозорливо видел в ней такие опасности для формирующейся личности как социальное неравенство, распространяющееся и на сферу образования, ограничивающее доступ к качественному образованию для социально незащищенных слоев населения. Ему претила буржуазная педагогика, нацеленная на индивидуалистические, потребительские интересы, на развитие конкуренции, на подготовку дельцов [7].

В данной связи А.И. Герцен выдвигал планы «национального перевоспитания народа» в отдельных сословиях в духе общинности, который присущ русскому народу. Герцен считал, что самое положительное влияние на детей оказывает простой народ, что именно народ является носителем лучших русских национальных качеств. То есть, он противопоставлял внешний каркас государственной образовательной машины ее народному содержанию.

В этом аспекте всегда подчеркивалась народность герценовской педагогики. Но мыслитель вкладывал другое понятие в термин «народность» как составную часть идеологической триады Николаевской эпохи. Николай I делал ставку на патриархальность народа, его чистоту от «либеральных устремлений», а Герцен апеллировал к другой части архетипа. У народа молодые поколения учатся уважению к труду, отвращению к праздности, бескорыстной любви к Родине. Основным направлением социальных поисков Герцена является проблема соединения свободной личности с идеалом социализма. В этом плане нарастали его требования морального идеала, все сильнее звучал эстетический мотив.

Герцен оставался *этическим идеалистом* – ему всегда было нужно верить во что-то большое и светлое. Крушение веры в Западную Европу привело Герцена «на край нравственной гибели». Отказаться совершенно от веры в идеал и его правду значило для Герцена утерять всякий смысл в личной и исторической жизни; от «нравственной гибели» его спасла, по собственному признанию, «вера в Россию». Под влиянием крушения старых идеалов и наступившей по всей Европе реакции, у Герцена сформировалась специфическая система взглядов об обреченности, «умирании» старой Европы и о перспективах России и славянского мира, которые призваны осуществить социалистический идеал.

Герцен с особой яркостью и неповторимым своеобразием показал, что вокруг

проблемы «Россия и Запад» группируется весь круг вопросов будущего развития России и русского народа. Она приобрела новый и острый смысл, когда, с одной стороны, в Западной Европе укрепился капитализм и народились социалистические идеи, а с другой – в России назрел кризис феодально-крепостнического строя и встал вопрос о «выборе пути». Гуманист и народолюбец, Герцен искал для России какой-то третий путь, который позволил бы ей освободиться от крепостничества и вместе с тем избежать капитализма и господства буржуазии [7].

Данная проблема была центральной на протяжении всего последующего процесса развития отечественной философско-педагогической мысли. В этом дискурсе Герцен был органично связан с целым рядом русских мыслителей, – прежде всего, с Н.В. Гоголем, а затем – К. Н. Леонтьевым, Н. К. Михайловским, отчасти Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым, в новейшее время с В.В. Розановым и Н.А. Бердяевым.

Как не парадоксально, но такие на первый взгляд его совершенно утопические мысли отражают в известной мере и современный российское мировоззрение, которому равно чужды и ненавистны и авторитарно-бюрократическая власть, и олигархический капитализм.

В четвертом периоде развития педагогического мировоззрения во второй половине 1860-х годов А.И. Герцен – отец шестерых детей (всего у него родилось 10 детей) – концентрировался на проблемах **семейного воспитания, родительской педагогики**. Он сравнивал политическую борьбу с воспитанием своих детей: «для меня остались в мире две задачи: моя русская деятельность и ваше развитие» [4, с. 219].

В свое время рождение первенца произвело на Герцена ошеломляющее впечатление, как он писал: «буйная радость овладела сердцем, будто в нем звон во все колокола, праздников праздник», я пребывал «в какой-то боли счастья» [4, с. 332–333].

В повседневной воспитательной деятельности, по его убеждению, важную роль играет «талант терпеливой любви», расположение воспитателя к ребенку, уважение к нему, знание его потребностей. Здоровая семейная обстановка и правильные отношения между детьми и воспитателями являются необходимым условием нравственного воспитания.

Важнейшими задачами семейного воспитания Герцен считал развитие у детей самостоятельности мышления, сознательного поведения, приучение их к напряженной, но доступной трудовой, умственной и физической деятельности, воспитание дисциплинированности. Так, например, особое восхищение Герцена вызывала семья Фогта – одна из тех старинных немецких семей, члены которой из столетия в столетие становились профессионалами высочайшего класса в ремеслах, науках, искусстве, наконец, просто в умении воспитывать здоровых, целеустремленных и трудолюбивых детей [7].

А.И. Герцен стремился дать детям домашнее воспитание, программу которого он сам разработал. Заботливый отец советовал своим детям читать Гете, Шекспира, Байрона, Вольтера, Руссо, заниматься естественными науками и историей, изучать конкретные труды.

А.И. Герцен делал все, чтобы дети не забыли о родине, жили её интересами, знали её заботы. В «Письме к сыну» (1851 г.) он призывал отрока: «занимайся, как можно больше, русским языком. Никогда не забывай, что ты должен быть русским» [4, с. 157].

Он был убежден, что «только понимание самобытности родины превращает индивида в личность с её неповторимостью». В «Письме сыну» (1858 г.) Герцен воскликнул: « Я верю в Россию и люблю её, я не хочу, чтобы дети мои были иностранцами» [7].

Поэтому особое внимание он придавал подбору преподавателей, стараясь привлечь к воспитанию крупных педагогов и ученых из своих друзей. Герцен требовал от наставников больше уделять внимания изучению русской культуры, истории, где «сокрыта гуманность, благородство, патриотичность». Подчеркивал, что при воспитании очень важен отбор книг по истории отечества, русской словесности, настаивал на чтении детьми произведений Пушкина и Крылова.

В семье Герцена устраивались литературно-музыкальные вечера, читались лекции, ставились спектакли, проводились диспуты. Понимая ограниченность своих возможностей русского воспитания в условиях эмиграции, Герцен с горечью писал сыну Александру: «От вашего развития я жду много; но тут я не сумел сделать то, что хотел. Из тебя вышел иностранец» [4, с. 219].

Вместе с тем взгляды Герцена на родительскую педагогику не замыкались его собственной семьей. Так в известном «Письме императрице Марии Александровне» Герцен сформулировал свои взгляды на воспитание наследника престола, пронизанные ценностями общечеловеческого воспитания. Он призывал императрицу: «Научите вашего сына носить фрак, перечислите его в гражданскую службу; вы сделаете ему великое благо. Займите его ум чем-нибудь более благородным, нежели вечная игра в солдаты; учебная наследника престола не должна походить на кордегардию». Осуществить это было возможно, если призвать к образованию наследника людей «русских, образованных, любящих отчество и не носящих эполет» [1, Т. 10, с. 353–361].

Рассматривая общественно-политические процессы, происходящие в России начала ХХI века в их проекции на развитие образования, особенно понимаешь значимость, необходимость и своевременность нового обращения к педагогическим идеям Герцена. Педагогическое мировоззрение А.И. Герцена удивительно современно, оно, прежде всего, по своей целесообразной, аксиологической основе отвечает как сегодняшним реалиям России, так и перспективам развития отечественного образования.

Как, пожалуй, мало кому из отечественных педагогических мыслителей при оценке взглядов Герцена на воспитание и образование подходит контекстный характер. При этом, главное даже не то, что он конкретно написал на педагогические темы, а какие смыслы в этих своих размышлениях аккумулировал и что предвосхитил. Роль Герцена в развитии отечественного образования совершено особая – он не выражал и не осуществлял программу общественных преобразований в сфере просвещения, а формировал ее, определял корпус задач и проблем, который будет затем последовательно, хотя и не линейно – поступательно реализовываться на протяжении второй половины 1850-х годов – начала ХХ века.

На его педагогической концепции явный отпечаток личности Герцена, по сути, он

писал ее с себя. В этом плане, несомненно, Герцен предтеча и основоположник педагогического экзистенциализма. Предметом его философии образования последовательно выступал человек.

В целом педагогическую концепцию Герцена можно трактовать как либерально и социально ориентированное педагогическое учение, наполненное гражданскими устремлениями и вместе с тем базирующееся на народной основе.

Список литературы:

1. Герцен, А. И. Собр. соч. : в 30 т. / А. И. Герцен. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.
2. Герцен о воспитании. Избранные педагогические высказывания / сост. М. Ф. Шабаева. – М.: Учпедгиз, 1948. – 215 с.
3. Герцен, А. И. Полн. собр. соч. и писем / А. И. Герцен ; под ред. М. К. Лемке. – Пг., 1919–1925.
4. Герцен, А. И. Избранные педагогические высказывания / А. И. Герцен ; сост. М. Ф. Шабаева. – М.: АПН РСФСР, 1951. – 467 с.
5. Герцен, А. И. О воспитании и образовании / А. И. Герцен, Н. П. Огарев ; сост. В. И. Ширяев. – М.: Педагогика, 1990. – 368 с.
6. Зейлигер-Рубинштейн, Е. И. Педагогические взгляды А. И. Герцена / Е. И. Зейлигер-Рубинштейн. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Учпедгиз, 1962. – 192 с.
7. Википедия : свободная энц. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.04.2012).
8. Познанский, Н.Ф. Педагогическое наследие А. И. Герцена / Н. Ф. Познанский // Советская педагогика. – 1945. – № 3. – С. 23–32.
9. Рахманов, В. Мысли Герцена о воспитании / В. Рахманов // Русская школа. – 1910. – № 1; Левин, К.Н. Мысли Герцена о воспитании / К.Н. Левин // Вестник воспитания. – 1914. – № 3.
10. Медынский, Е. Н. История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции / Е. Н. Медынский. – М., 1938.
11. Ганелин, Ш. И. А.И. Герцен как просветитель / Ш. И. Ганелин // Советская педагогика. – 1938. – № 1. – С. 109–116.
12. Костин, Н. К. О педагогических взглядах Герцена / Н. К. Костин // Советская педагогика. – 1940. – № 1. – С. 79–85.
13. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (XVIII – первая половина XIX в.). – М.: Педагогика, 1973.
14. Константинов, Н. А. История педагогики / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева. – 5-е изд., доп. и перераб. – М.: Просвещение, 1982.
15. Гончаров, Н. К. Педагогические идеи А.И. Герцена. Учителю о Герцене / Н. К. Гончаров. – М.,1963.

16. Сердюкова, О. И. Широкая и специальная цель образования в осмыслиении А.И. Герцена и И.А. Гончарова / О. И. Сердюкова // Образование. Профессия. Производство : сб. ст. – Самара, 1998. – С. 17–34.
17. История педагогики и образования / под ред. А.И. Пискунова. – М.: Сфера, 2001.
18. Джуринский, А. Н. История педагогики и образования / А. Н. Джуринский. – М.: Владос, 2010.
19. Попов, В. А. История педагогики и образования / В. А. Попов. – М.: Академия, 2010.
20. Эйдельман, Т. Н. Герцен А. И. / Т. Н. Эйдельман // Педагогическая энциклопедия. Т. 1. – М.: Большая российская энциклопедия, 1993. – С. 208–209.
21. Айзенберг, А. Я. Самообразование в жизни Герцена / А. Я. Айзенберг // Советская педагогика. – 1987. – № 4. – С. 98–100.
22. Эльсберг, Я. С. А.И. Герцен. Жизнь и творчество / Я. С. Эльсберг. – М., 1969.
23. Ганелин, Ш. И. Педагогические взгляды А.И. Герцена / Ш. И. Ганелин // Народное образование. – 1962. – № 4. – С. 94–96.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2012, № 2